

DOI: 10.15372/PHE20170102

УДК 94(470+570)+13

ДИСКУССИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПУТИ РОССИИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В УЧЕБНОМ ПОЗНАНИИ

И. А. Пфаненштиль, М. П. Яценко (Красноярск)

Аннотация. В данной статье автор исследует различные подходы к проблеме исторического пути России. В частности, анализируются проявления этой дискуссии в образовательных системах. Автор акцентирует внимание на различных интерпретациях отечественной истории. В статье раскрываются важные характеристики российского народа, которые отражаются в конкретных исторических событиях. Идеологи глобализации не заинтересованы в объективном изучении исторического прошлого, потому что история сохраняет идентичность социума. Они используют историю в ее европоцентристском варианте, где нет места объективной оценке реального вклада каждого народа в мировую историю.

Ключевые слова: исторический путь, историческое сознание, учебное познание, идентичность социума, европоцентризм, историческое образование.

DISCUSSION ABOUT HISTORICAL PATH OF RUSSIA AND ITS REFLECTION IN THE LEARNING COGNITION

I. A. Pfanenshtil, M. P. Yatsenko (Krasnoyarsk)

Abstract. In this article, the authors explore various approaches to the problem of Russia's historic path. In particular, it examines the manifestation of this discussion in educational systems. The authors focus on different interpretations of Russian history. The article reveals the important characteristics of the Russian people, which are reflected in specific historical events. However, the ideologues of globalization are not interested in an objective study of the historical past, because history preserves the identity of the society. They use history in its

© Пфаненштиль И. А., Яценко М. П., 2017

Иван Алексеевич Пфаненштиль – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой глобалистики и геополитики Гуманитарного института, Сибирский федеральный университет.

E-mail: ndubrovskaya@sfu-kras.ru

Михаил Петрович Яценко – доктор философских наук, профессор кафедры глобалистики и геополитики Гуманитарного института, Сибирский федеральный университет.

E-mail: ymp1957@rambler.ru

Ivan A. Pfanenshtil – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Chair of Global Studies and Geopolitics of the Humanitarian Institute, Siberian Federal University.

Mikhail P. Yatsenko – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Chair of Global Studies and Geopolitics of the Humanitarian Institute, Siberian Federal University..

Eurocentrism form, where there is no place for an objective assessment of the real contribution of each nation in the world history.

Keywords: *history, historical consciousness, cognition, social identity, Eurocentrism, historical education.*

Актуальность проблем, связанных с выбором Россией своего исторического пути, значительно обострились в последние годы, что обусловлено как геополитическими, так и внутривосточными трансформациями. Проблема заключается в том, что часто своеобразие российского исторического пути западными историками рассматривается как выпадение нашей страны из общемирового контекста. На самом же деле стремление аккумулировать положительный опыт Европы и Азии означает перспективность российского исторического вектора. Подобные дискуссии, естественно, в той или иной степени затрагивают и образовательную сферу.

Как показывает практика, выбор модели, по которой будет строиться политика России, определяется не наукой (подобного прецедента в истории не было), а реальными интересами правящих элит (включая глобальные компоненты таких интересов) [1, с. 149]. Диалектика противоречий между первыми, происходящими на макро-, и вторыми, развивающимися на микроуровне, порождает необходимость регулирования и разрешения этих противоречий на каком-то пограничном уровне. Этот промежуточный мезоуровень позволяет общие тенденции приспособлять к местным специфическим условиям, что дает возможность в нарастающем процессе унификации и стандартизации сохранить разнообразие социального мира, защитить уникальность каждой отдельной культуры. В отличие от макроуровня промежуточная ступень дает возможность операционального выхода на конкретную этнокультурную самобытность, что повышает гарантии ее защиты и сохранения. Взаимодействие социальных низов и верхов объективно рождает необходимость мезоуровня, а локальные социумы нуждаются в таких же посредниках для выхода на макросистему. Вместе с тем на место государств единообразного большинства приходят мультикультурные государства, то есть государства различных меньшинств (социальных, культурных, этнических, конфессиональных и др.), оберегая исторические традиции и сохраняя этнокультурный плюрализм [2, с. 21–22], что в полной мере отражается в образовательной практике.

Модернизация России как проявление нового большого инновационного цикла без информатизации культуры и сопряженных с ней процессов и структур просто невозможна. Однако данный процесс должен идти, по нашему мнению, без участия русских либералов, потому что «ли-

берализм для России – это тяжкий крест, форма политического идиотизма. Либерализм в России выступает как удел политических проходимцев, как идеология политического маргиналитета. В России кризис либерализма в марксистской или какой-либо иной форме – это не перманентный кризис, не кризис либерализма как формы социального конструирования реальности, а кризис отторжения, отчуждения либерализма как формы общественного самоубийства» [3, с. 163]. Тем не менее неолиберальные идеи оказывают огромное влияние на современную отечественную школу, что проявляется в результатах реформирования образовательных систем России.

На путях перестройки исторического знания появляются новые проблемы, в частности, «экономизация», «социологизация» и «политологизация» изучения русской (включая советскую и постсоветскую) истории приводят в изучении России к не менее, а может, и более плачевным результатам, чем формационный подход официального марксизма. В целом мы до сих пор не ушли от западнцентричных схем прочтения русской истории. Мы действительно не знаем русскую жизнь и воспринимаем ее посредством сетки не вполне адекватных понятий: политика, государство (в смысле state), нация, класс. Современным учащимся не хватает, причем еще больше, чем четверть века назад, адекватного знания о современном мире. Мы чересчур сконцентрированы на своих проблемах, часто рассматриваем нашу историю в отрыве от того, что происходило в Евразии, в мире. В результате мы проигрываем, поскольку упускаются из виду важнейшие мировые изменения, а учебник истории перестает быть мировоззренческим базисом. А. Зубов вполне справедливо отмечает: «Напрягая все силы для восстановления былого величия и незаметно даже превосходя его в новых присоединениях, Россия неизменно платит за это растущее внешнее могущество золотом веры и благочестия, собранным в первые десятилетия по выходе из смуты. Из цели государственной деятельности люди превращаются постепенно в средство для достижения национального величия, а вера, из залога Царствия Небесного, в консолидирующую народ политическую идеологию» [4, с. 162].

Тем не менее именно в современных условиях, как справедливо отмечает А. Фурсов, «...впервые за весьма длительный период русской истории у русских есть возможность построить нацию-государство на основе характерных для русского народа принципов и ценностей. Прежде всего – социальной справедливости» [5]. Дело в том, что в современных условиях «...само время становится антиметафизическим и антидогматичным, требуя в отношении философии истории XX в. нелицеприятного суда диалектического разума» [6, с. 18].

Определенный оптимизм в решении задач, связанных с историческим выбором пути России и всего мира, многие ученые видят в том, что «отечественная историческая наука переживает новый плодотворный период, когда в работах ее лучших представителей происходит не переписывание, а переосмысление истории России» [7, с. 125]. Это связано с тем, что плюрализм мнений и разнообразие оценок исторических событий, а также отсутствие четких концептуальных линий породили несколько опасных тенденций в современном преподавании истории. Первая из них связана с пренебрежением известными подходами к отбору содержания учебного исторического материала. Это привело к определенным перекосам в преподавании: одни учителя больше внимания уделяют историческим личностям, другие – краеведческому материалу, третьи строят свое преподавание на базе социально-экономической истории и экономики, четвертые в основу уроков кладут изучение внутривосточной истории и жизни правителей, пятые предлагают изучать предмет с уклоном в историю церкви и религии, их взаимоотношений с государственной властью, шестые настаивают на изучении культуры, быта, нравов как первоосновы жизни общества [8, с. 28]. Однако важно в поиске своего подхода не забыть, что принципиальная задача исторического образования – становление исторического мышления, под которым мы понимаем набор мыслительных стратегий, дающих возможность самостоятельно выстроить интерпретацию тех или иных событий. Этот аспект приобретает особое значение в условиях глобализации, когда унификация приобретает всеобщий характер.

Большое значение для образовательного процесса имеет тот факт, что нация и гражданство в российской интерпретации не всегда совпадают с западноевропейскими стереотипами. Известно, что именно русская педагогическая интеллигенция, опирающаяся на прочную историческую основу, выступала как носитель идей и традиций межнационального согласия, ментальной терпимости. Однако специалисты отмечают: «...как показывает массовая практика обучения, ознакомление старшеклассников с противоположными позициями на развитие истории без необходимой системы методических операций не всегда способствует формированию у них целостной картины мира» [9, с. 51].

Современный преподаватель истории, особенно работающий в отдаленных от столицы регионах, является авторитетом, хранителем российской государственности в этнической системе воспитания. Отечественные обществоведы всегда имели свой взгляд на проблемы, формируемые категориями «народ и власть», «монархия, автократия, демократия, диктатура в российской истории», «демократический опыт России», идеи соборности и т. п. И, как считает один из самых социально ориен-

тированных российских писателей, пришло время составлять истинную историю России [10].

О специфике преподавания истории и необходимости нового подхода к историческому образованию писала в своих дневниках академик М. Нечкина: «Мы постоянно говорим об “отборе фактов”. Этого мало! Есть также “отбор выводов”, отбор обобщений. Сверх этого есть и отбор живых конкретных штрихов явления. Для создания образа эпохи. Исторических деятелей. Истории целых народов и т. д. и т. п.» [11]. Особую сложность для преподавателя представляет тот уровень постижения истории, при котором формируется особое умение учащихся не теряться в тот момент, когда его видение происходившего и происходящего начинает рушиться; когда появляются новые неизвестные ранее факты; вырисовываются элементы, явно не укладывающиеся в предыдущую концепцию. Именно аксиологическая составляющая исторического образования позволяет учащимся осознанно выбрать мировоззренческие ориентиры, решить для себя проблему культурной и национальной идентичности, определить свое место в социуме и свое собственное отношение к процессам, происходящим в нем. Тем более что в постсоветских странах в ситуации продолжающейся системной трансформации кризис идентичности является для личности наиболее разрушительным. Сегодня, как никогда, в российском и других обществах ощущается потребность в личности с четкой гражданской позицией. Ориентация значительной части подрастающего поколения, в том числе и студенческой молодежи, на удовлетворение личных интересов и обустройство частной жизни, то, что сегодня констатируют социологи, не способствует формированию прочных горизонтальных и вертикальных связей в обществе как основы его стабилизации. Установление прочных горизонтальных связей предполагает наличие у личности нравственных ориентиров и социально-коммуникативных навыков, позволяющих ей выстраивать конструктивные отношения с непосредственным окружением.

Определяя выбор исторического пути уже на уровне учебного познания, важно учитывать, что если история есть процесс практической идеализации человека, то есть последовательного ослабления его отрицательных черт и усиления положительных, то общечеловеческие черты, присущие разным историческим поколениям, обязательно должны быть исключительно положительными. Тем самым абсолютный человек диктует абсолютный идеал человека. А этому идеалу должна соответствовать выразительная модель, которая и является образом сверхчеловека. Благодаря этому образ сверхчеловека концентрирует в себе те же положительные общечеловеческие черты, но уже не в абстрактной, а наглядной форме [12, с. 51].

Традиционно историческое знание воспринимается с позиций его прагматической, функциональной значимости, когда его результаты оформляются в отдельное систематизированное знание. Его объективированные формы вырастают из доминирующей на данный момент дискурсивной практики научного исследования и выступают как некая принудительная сила, диктующая выбор метода исследования. Таким образом, проявляется стремление упразднить другое измерение дискурса: его событийность и случайность – и обеспечить производство знания, соответствующего сложившимся критериям научности [13, с. 83–84].

Принципиальное значение имеет также учет различий между научной и учебной историей. Организация исторического знания на основе логических принципов отражала его динамику на макроуровне и была приспособлена для институционального функционирования в обществе. Однако такая организация проявляет свою ограниченность в осуществлении научного поиска и выражения динамики знания, обеспечивающей обновление им своих оснований. Систематики исторического знания либо имели крен в сторону описательной истории (максимальное количество фактов, установленных, проинтерпретированных и концептуализированных на основе простейших теоретических конструкций, заимствованных из неисторических дисциплин или из здравого смысла), либо склонялись к теоретизированной (логоцентристской) истории (максимум логических схем, перенесенных из других общественных дисциплин и минимум фактов). Что касается динамики исторического знания, то она неизбежно становится нелинейной. В этом случае историческое знание не формализуется и не организуется в виду строгих теоретических схем. Поэтому историки в научном исследовании, как правило, имеют дело с концепциями или с доконцептуальными формами существования знания, отличающимися от жестких схематик своей мобильностью и индивидуальностью, способностью эксплицировать содержательно изменяющиеся состояния социального бытия. А это требует, в свою очередь, дополнения картины познания как процесса конструирования знания аналитическим мышлением и организационных структур актуальным феноменолого-экзистенциальным его измерением и нелинейной динамикой, которые разрабатываются в неклассической и постнеклассической рациональности.

В современной исторической науке предпринимаются попытки достижения нового исторического синтеза, предполагающего отказ от идеи всеобщего детерминизма. Внимание профессиональных историков привлекают новые теоретические подходы: цивилизационный, культурологический, антропологический. В конечном счете, все это ведет к отказу от единой универсальной доктрины исторического процесса. В свою

очередь специалисты в области теории и методологии науки отмечают, что можно выделить три уровня научного знания, по-разному влияющих на культурное самоопределение российского народа: парадигмальный, методологический, конкретно-научный [14]. Это создает новые проблемы для конкретного учителя истории, который обязан исходить из определенного мировоззренческого базиса. Однако понятый слишком односторонне и доведенный до своих предельных последствий «историзм» подрубает тот сук, на котором сидит история: история как понимание. В то же время остается истиной, что историческое понимание есть понимание особого рода, которое по самой своей сути должно быть тождественно «непониманию» [15, с. 376–377].

В условиях современной России возникает необходимость реализовать исторический шанс, поскольку Западная Европа оказалась неспособной воплотить христианский идеал цельности жизни, потому что она переоценила логический способ познания и рациональность. Россия же до сих пор не смогла воплотить в жизнь этот идеал по той причине, что полная и всеобъемлющая истина развивается медленно, а также по той причине, что русский народ уделяет слишком мало внимания разработке логического способа познания, который должен сочетаться со сверхлогическим пониманием реальности [16, с. 41]. Дальнейшее использование идей западной цивилизации является уже неестественным (искусственным) давлением (насилием) над естественным (эволюционным) порядком вещей в мире. Поэтому если традиционная философия уже безвозвратно ассоциируется с формами рациональной западной философии, то разумным может оказаться введение в общественную (эволюционную) практику новых направлений целостного исследования действительного мира, полагающих основы универсального справедливого устройства общественной (в достойной личностной) жизни. Такими научными направлениями могут стать, например, философская космология, универсальная системология и т. п. В своем исследовании вопроса возвращения россиянам и мировой цивилизации истинного присущего мировоззренческого базиса ученые все чаще полагаются на эволюционное развитие культурных потенциалов российской цивилизации [17, с. 188–189].

Положительной альтернативой современным деструктивным процессам могла бы стать ноосферная традиция, которую следует поставить в основу исторических концепций. Идея ноосферы, не являясь панацеей от всех негативных проявлений глобализма, тем не менее, выступает теоретическим проектом, за которым стоит мировоззренческая перспектива, способная примирить религиозные и исторические притязания очень разных и даже враждебных этноязыковых общностей [18, с. 46–47].

В значительной мере вследствие неадекватности западной модели глобализации потребностям выживания современного человечества его сегодняшнее состояние можно определить как «цивилизированный» слом или как особого типа переходное состояние, где жестко сопряжены относительно новые и весьма опасные процессы: экологический, демографический, антропологический, социально-политический, финансово-экономический, этический, религиозный и другие кризисы. Можно предположить, что после прохождения этого этапа мировая история в XXI в. будет развиваться по модели ноосферного постиндустриального перехода в условиях качественно нового научно технического прорыва [19, с. 31].

По мнению А. И. Субетто, на пути к ноосферному единению человечества именно гуманитарное знание в силу его диалогической природы способно во многих ситуациях выполнить посредническую миссию в диалоге идей, концепций, культур, парадигм, так как на основе гуманитарного познания осуществляется важнейшая историческая миссия подготовки человечества к осознанной кооперации в противовес конкуренции [20].

Таким образом, широко распространившиеся в последнее время дискуссии о выборе исторического пути нашей страны в полной мере отражаются в образовательной системе. Положительным аспектом подобных процессов является возвращение историей своей изначальной роли. Она начинает играть принципиальную роль в воспроизводстве «коллективной памяти», в возможности связать в историческом производстве интересы формирования личности с целым рядом базовых исторических категорий (этнос, мировое сообщество, цивилизация), что приобретает особое значение в условиях глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Косолапов Н. А.** О месте геополитики в эпоху глобализации // Восток (ORIENTS). – 2003. – № 4. – С. 143–156.
2. **Симолян Р. Х.** От национально-государственных объединений к региональным // Вопросы философии. – 2005. – № 3. – С. 20–28.
3. **Чуринов Н. М.** О кризисе либерализма // Теория и история. – 2005. – № 2. – С. 161–169.
4. **Зубов А. Б.** Циклы русской истории // Вопросы философии. – 2003. – № 2. – С. 160–165.
5. **Фурсов А.** Круглый стол «В бывшем царстве, многонациональном государстве» // Литературная газета. – 2007. – № 22–23.
6. **Бойко П. Е.** Идея России в русской философии истории. – М.: Социально-политическая Мысль, 2006. – 159 с.
7. **Азиатская Россия** в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. – М.: Наука, 2004. – 600 с.
8. **Короткова М. В.** Противоречивые проблемы современного преподавания истории: взгляд методиста // Преподавание истории в школе. – 2001. – № 4. – С. 15–19.
9. **Баранов П. А.** О тенденциях развития современного школьного исторического образования // Преподавание истории в школе. – 2001. – № 3. – С. 21–26.

10. **Поляков В.** Полюбили сгоряча Троцкого и Ильича. Конец «огоньковского» краткого курса истории России? // Литературная газета. – 2007. – 4–10 апр.
11. **Из рукописного** наследия М. В. Нечкиной // Преподавание истории в школе. – 2001. – № 7. – С. 60–63.
12. **Бранский В. П., Пожарский С. Д.** Смена поколений и смысл истории // Диалог поколений и культур в контексте глобализации: материалы Междунар. конф. «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». – СПб.: Изд-во политех. ун-та, 2007.
13. **Зубова И. Л.** Формы организации исторического знания в различных типах рациональности // Проблемы российской истории.– М.; Магнитогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2006. – Вып. VI.
14. **Вяземский Е.** Историческая наука и историческое образование: некоторые проблемы теории и методологии // Преподавание истории в школе. – 2001. – № 3. – С. 13–21.
15. **Аверинцев С. С.** Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. – М.: Наука, 1975. – С. 371–397.
16. **Лосский Н. О.** История русской философии. – М.: Сов. писатель, 1991. – 480 с.
17. **Хруцкий К. С.** Российский электронный философский журнал – журнал для России и для будущего России // Вестник РФО. – 2005. – № 2.
18. **Исупов К. Г.** Проблемы глобализации на фоне русской мысли (предварительные соображения) // Глобализация: pro et contra: материалы Междунар. конф. «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». – СПб.: Астерион, 2006.
19. **Лесков Л. В.** Синергетика культуры // Вестник ИГУ. – Философия. – 2004. – №5. – С. 14–36.
20. **Субетто А. И.** Опережающее развитие человека, качества общественных педагогических систем и качества общественного интеллекта – социалистический императив. – М.: Исслед. центр управления качеством подготовки специалистов, 1990.

REFERENCES

1. **Kosolapov N. A.** (2003). About the place of geopolitics in the era of globalization. *Vostok (ORIENS) [East (ORIENS)]*, no. 4, pp. 143–156. (In Russian)
2. **Simonyan R. H.** (2005), From national associations to regional. *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*, no. 3, pp. 20–28. (In Russian)
3. **Churinov N. M.** (2005). About the crisis of liberalism. *Teoriya i istoriya [Theory and History]*, no. 2, pp. 161–169. (In Russian)
4. **Zubov A. B.** (2003). Cycles of Russian history // *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*, no. 2, pp. 160–165. (In Russian)
5. **Fursov A.** (2007). Round table «in the former realm, multi-ethnic State» // *Literaturnaya Gazeta [Literary Newspaper]*, no. 22–23. (In Russian)
6. **Boyko P. E.** (2006). *Idea in Russia, in Russian philosophy of history*. Moscow: Socialno-politicheskaya mysl, 159 pp. (In Russian)
7. **Asian Russia in geopolitical and cultural dynamics. 16th-20th century.** (2004). Moscow: Nauka, 600 pp. (In Russian)
8. **Korotkova M. V.** (2001). Contradictory problems of modern history teaching: a view of a practitioner. *Prepodavaniye istorii v shkole [Teaching of History in School]*, no. 4, pp. 15–19. (In Russian)
9. **Baranov P. A.** (2001). About trends of modern school historical education. *Prepodavaniye istorii v shkole [Teaching of History in School]*, no. 3, pp. 21–26. (In Russian)

10. **Polyakov V.** (2007). We have fallen hotheadedly in love with Trotsky and Il'ich. The end of the «ogon'kovsky» short course of history of Russia? *Literaturnaya gazeta [Literary Newspaper]*, 4–10 Apr. (In Russian)
11. **From handwritten** heritage of M. V. Nechkina. (2001). *Prepodavaniye istorii v shkole [Teaching of History in School]*, no. 7, pp. 60–63. (In Russian)
12. **Bransky V. P., Pozharskij S. D.** (2007). Generational change and a sense of history. *Dialogue of generations and cultures in the context of globalization: proceedings of the International Conference «The conflict of generations in the context of information globalization»*. St. Petersburg: Polytech. University. (In Russian)
13. **Zubov I. L.** (2006). Forms of historical knowledge in different types of rationality. *Problems of Russian History*. Moscow; Magnitogorsk: IRI RAN; MaGU, iss. VI. (In Russian)
14. **Vyazemsky E.** (2001). Historical science and historical education: some problems of the theory and methodology. *Prepodavaniye istorii v shkole [Teaching of History in School]*, no. 3, pp. 13–21. (In Russian)
15. **Averintsev S. S.** (1975). Preliminary notes to study medieval aesthetics. *Old Russian art foreign ties*. Moscow: Nauka, pp. 371–397. (In Russian)
16. **Lossky N. O.** (1991). *History of Russian philosophy*. Moscow: Sovetskij pisatel, 480 pp. (In Russian)
17. **Hruzkiy K. S.** (2005). The Russian electronic philosophical magazine-a magazine for Russia and for the future of Russia. *Vestnik RFO [Bulletin of the RFO]*, no. 2. (In Russian)
18. **Isupov K. G.** (2006). Globalization amid Russian thought (preliminary considerations). *Globalization: pro et contra: proceedings of the International Conference «The globalization challenge history at the turn of the Millennium: the priorities of the Russian culture and art»*. St. Petersburg: Asterion. (In Russian)
19. **Leskov L. V.** (2004). Synergetics culture. *Vestnik IGU [Bulletin of the ISU]*. Philosophy, no. 5, pp. 14–36. (In Russian)
20. **Subetto A. I.** (1990). *Advanced human development, quality of public teaching systems and quality of public intelligence-Socialism imperative*. Moscow: Issled. Quality management specialist training centre. (In Russian)

Принята редакцией: 05.12.2016